

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я была в возрасте Китти, моей любимой книгой была «Питер Обыкновенный, или Младших братьев не выбирают» Джуди Блум. Я выросла в сонной английской деревеньке и с восторгом читала о жизни нью-йоркских детей. Я мечтала, чтобы меня окружали величественные небоскрёбы, а не плоские поля. Представляла, как буду жить в многоквартирном доме с консьержем в подъезде и играть по выходным в Центральном парке. Я хотела собаку и специальный совочек, чтобы убирать за ней на прогулках (так делал Питер Хатчер в книге). Когда я спросила отца, не можем ли мы переехать в Нью-Йорк, он ответил «нет» — и на переезд, и на вопрос о покупке собаки. Однако сказал, что может купить мне совочек. Спасибо, папочка! Промчались годы, и мои детские мечты сбылись: я получила работу в Нью-Йорке и переехала в квартиру в высотном доме с консьержем. Двадцать лет спустя

я всё ещё живу в ней и по-прежнему люблю книгу «Питер Обыкновенный».

В этой книге, которую я написала, одиннадцатилетняя Китти с родными переезжает из Лондона в Нью-Йорк — после того как умирает её мама. Китти ненавистна сама мысль о переезде. Девочка хочет остаться со своей бабушкой, которую очень любит, со своей лучшей подругой и с маленькой чёрной кошечкой, которая спит у неё в ногах. Почему всё вокруг продолжает меняться, в то время как Китти хочет лишь, чтобы всё стало как прежде? Понадобятся огромное терпение и забота любящих людей, мудрые слова, которые мама Китти оставила в письмах на дни рождения, и дружба с синеволосым мальчиком, чтобы Китти увидела: надежда и радость могут снова вернуться в жизнь, даже если случилось самое худшее, что только можно представить.

Мне повезло: моя мама ещё жива, однако близкая подруга умерла, когда я была ровесницей Китти. Мы с подругой любили коллекционировать разные вещички, и самая лучшая наша коллекция состояла из ароматизированных ластиков: моя подруга больше всего любила ластики в виде крошечных бутылок газировки, а я — в виде маленьких рожков мороженого. Когда она погибла, я выкинула свою коллекцию ластиков в мусор. Десятилетия спустя в трёх с половиной тысячах миль от

того места, где мы с подружкой когда-то сравнивали наши любимые ластики, я нашла в магазине нечто знакомое. Это был набор из пяти ластиков в виде крошечных печенек-макарун, и все они были разного цвета: малиново-розовый, лавандово-сиреневый, фисташково-зелёный, ванильно-кремовый и шоколадно-коричневый. Я подумала о своей подружке и купила этот набор. Когда я пришла домой и открыла коробку, то рассердилась, потому что все ластики пахли ванилью, хотя, по идее, у них должны были быть разные запахи, в соответствии с их цветом. Я знала, что моя подружка тоже разозлилась бы, и это заставило меня улыбнуться. Я нашла горсть радостных блёсток в неожиданном месте. Они действительно проникают повсюду.

Я искренне надеюсь, что вам понравится история Китти. Спасибо большое тем, кто решит прочитать её. Каждое слово написано с любовью.

Иветта

Посвящается Абелью, Беатрис и Гэбриэл,
которые каждый день дарят мне
радость и смех

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОЖИДАНИЕ У ОКНА

Я не могу определить: то ли сегодня второй по степени отвратительности день в моей жизни, то ли третий. Возможно, в половину одиннадцатого утра ещё слишком рано, чтобы решать такие вещи. Это самая ужасная пятница в моей жизни и самый грустный из дождливых дней. Самым худшим днём в моей жизни был неуместно солнечный вторник на этой неделе — я знаю это точно. Другой претендент на второе место — тот день несколько месяцев назад, когда я окончательно поняла всю невыносимую правду того, что должно случиться.

Этим мартовским утром лондонская улица под моим окном почти пуста, она мокрая и серая. Я сверяюсь с картой цветов «Farrow & Ball», приклеенной к стене. На ней показаны сотни разных цветов, и пятьдесят из них — оттенки белого и кремового. Я ищу глазами точное соответствие, пока мой взгляд не падает на цвет номер 272 — «плюметт», или

«свинцово-серый». Идеально: мне кажется, что я упала на это сиденье у окна тяжело, как свинец, и так быстро, что мой желудок подкатил к горлу, а уши заныли.

Вишнёвые деревья на нашей улице наконец-то цветут, цветы появились как раз вовремя, чтобы сказать моей маме «привет» и «прощай». И сейчас бледно-розовые лепестки, цвет номер 245, «миддлтонский розовый», ловят дождевые капли.

Если бы не было дождя, я бы могла пойти в парк с моей лучшей подругой Джессикой... хотя она сегодня в школе вместе со всеми остальными. Мне бы тоже хотелось быть там, сидеть за партой рядом с нею и пытаться спрягать французские глаголы под бдительным оком мадам Оливье. Мама Джессики сегодня придёт к нам, но она сказала, что Джесс «слишком юна для такого, Китти, дорогая». А ведь Джессика — моя ровесница. Уходя вчера, она сжала мне руку так сильно, что её ногти оставили на моей коже крошечные лунки-полумесяцы, которые ещё были видны, когда я ложилась спать.

В такие дождливые дни, как этот, мама всегда улыбалась, закрывала глаза и поднимала лицо к небу. Она почти никогда не брала с собой зонтик, вместо этого она надевала небесно-голубой плащ с капюшоном, который вечно сдувало у неё с головы. Мама говорила,

что дождь — это как косметическая процедура самой природы, так зачем же закрывать от него лицо? Папа ворчал, что это отличная погода для уток и лягушек, и прихватывал свой огромный чёрный зонт, на лице у него было написано решительное желание остаться сухим по пути от станции до дома или офиса.

Папа не ходит на работу вот уже почти две недели.

Обычно я не люблю дождь, но сегодня бесконечная лондонская морось прекрасно подходит к моему настроению. Моя сестра Имоджен говорит, что, когда в книгах или в стихах погода отражает настроение персонажа, это называется олицетворение или что-то типа того. Ей тринадцать лет, и она знает всё — или считает, будто знает. Мне десять, и я понимаю, что знаю далеко не всё. Если верить Имоджен, когда я буду в её возрасте, я по-прежнему не буду знать всего, что знает она, потому что она унаследовала от наших предков и внешность, и мозги. Когда я спросила у мамы, что же унаследовала я, она только улыбнулась мне.

— Китти, у тебя своя собственная внешность и свои собственные мозги, не хуже и не лучше, чем у твоей сестры, и именно они тебе идеально подходят.

Ну, это определённо было враньё, потому что Имоджен уж точно красивее меня, и все это знают. У меня на носу горбинка, и меня

часто спрашивают, как я его сломала — а я не ломала! У Имоджен просто идеальный нос. Папа сказал, что «внешнее совершенство не подразумевает наличия идеального характера», но он сказал это а) потому что хотел утешить меня и б) потому что нос у него такой же, как у меня.

У Имоджен длинные шелковистые волосы медового цвета и ярко-синие глаза, совсем как у мамы. Волосы у неё ниже лопаток: закрывают лямки лифчика. Тот факт, что она носит лифчик и что её локоны такие длинные, — ещё две галочки в колонку преимуществ Имоджен. Она выглядит так, словно живёт в Калифорнии, где солнце, пальмы и сёрфингисты, а не в этом тенистом уголке Северного Лондона. Имоджен — первая красавица в нашей семье, а я... Хотя меня нельзя назвать чудовищем, но я определённо невзрачная. У меня коричневато-серые волосы, подстриженные под скучное каре до подбородка; их цвет, согласно карте «Farrow & Ball», точно соответствует номеру 40 — «мышьяная спина». Глаза у меня такого же цвета, как и волосы. Но я умею бегать быстрее, чем моя сестра, и наверняка вырасту выше её. Я уже догоняю её по росту.

Я прижимаюсь горячей щекой к прохладному оконному стеклу и изучаю улицу внизу, но там совсем не на что смотреть; только машины, припаркованные перед домами, свиде-

тельствуют о том, что у нас есть соседи. Тогда я опускаю взгляд на свою тёмно-синюю юбку в складку, купленную накануне во время печальной поездки в магазин. Я хотела купить к этой юбке чёрный свитер, но бабушка сказала «нет».

— Чёрный цвет не годится для детей, Китти. И вообще, чёрный с тёмно-синим сделают тебя похожей на синяк.

— Я и чувствую себя как сплошной синяк, — ответила я, и выражение лица бабушки слегка смягчилось — а потом это лицо сморщилось, словно мокрый бумажный пакет. Бабушка отвернулась, и я быстро сунула чёрный свитер обратно на полку и взяла тёмно-синий. Я тащила следом за бабушкой через весь магазин, пока мы не дошли до кассы, где она молча расплатилась за покупки.

— Китти, солнышко, машина скоро приедет, — зовёт меня папа с первого этажа. — Ты готова?

Конечно, я не готова. Как я вообще могу быть к такому готова? Я трогаю серебряное сердечко-подвеску на браслете «пандора», который мама подарила мне несколько недель назад. Подвеска выглядит так же одиноко, как я себя чувствую. Имоджен получила в подарок такой же браслет с сердечком. Мы не знаем, где и когда мама купила их. Полагаю, ей пришлось заказывать их через интернет. Мы не знаем, пода-

рила ли она что-нибудь папе, и не собираемся спрашивать у него. Мы очень много не знаем. Мама также оставила стопку писем в плотных конвертах кремового цвета, чтобы я и Имоджен прочли их на наши следующие три дня рождения. Конверты украшены изображениями цветов, сердечек и солнышек, а посередине на каждом написано имя и возраст округлым маминым почерком. Три письма — это так мало! Мне исполнится всего тринадцать, когда я получу последнее. Почему мама решила, что после этого мне не нужны будут письма от неё? А как насчёт того времени, когда мне исполнится восемнадцать, двадцать пять, тридцать семь, пятьдесят два или даже семьдесят? Некоторые люди и в этом возрасте по-прежнему получают письма от своих мам. Когда папа показал нам эти шесть конвертов, я спросила: почему только по три письма каждой? Он спрятал лицо в ладонях и ответил так тихо, что я едва разобрала слова:

— Ей пришлось остановиться на этом, милая. Больше ни на что не было времени.

Может быть, он даже не сказал это, а выдохнул одним тихим, горестным вздохом. Он не заметил, как я на цыпочках вышла из кухни и поднялась в свою комнату. В ту ночь, лёжа в кровати без сна, я осознала, что Имоджен провела вместе с мамой на три года больше, чем я. Эта мысль тикала у меня в мозгу, слов-

но метроном, пока голова не разболелась. Мне потребовалась целая вечность, чтобы заснуть.

Через окно я вижу, как на нашу улицу сворачивает большая, блестящая чёрная машина. Она выглядит так, словно может не поместиться на улицу, и в голове у меня мелькает: как неудобно выйдет, если она поцарапает какую-нибудь соседскую машину, заставив сработать сигнализацию, и какой это будет резкий, невыносимый вой. Эта чёрная машина смотрится куда роскошнее, чем наш старый «Вольво», грустно припаркованный у дома. Мама планировала купить более экологичную машину «Приус», но теперь это уже не имеет значения. Никого теперь не будут волновать углеродные выхлопы нашего старого «Вольво». Тот чёрный сверкающий монстр, который сейчас катит к моему дому, определённо не заботится об экологии, и мама возненавидела бы его. Я надеюсь, что её везут не в такой машине, как эта. Она, наверное, уже в церкви и безмолвно ждёт, пока мы приедем.

Церковь Святого Стефана — та самая, где венчались мама и папа и где крестили нас с Имоджен. На их венчании Имоджен была девочкой-цветочницей, одетой в розовое платье с рюшами. Ей, наверное, потребовалось сто лет, чтобы пройти по центральному приделу, потому что она, разбрасывая тучи розовых лепестков, пыталась ступить на носочки, словно